

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-3.24>

Коростелев Сергей Павлович

ВЕЛИЧИНА ЗНАЧИМОСТИ ДЛЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛАТИНСКО-НЕМЕЦКОГО СЛОВАРЯ АНДРЕАСА РЕЙЕРА 1686 ГОДА ИЗДАНИЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ СОХРАНИВШИХСЯ ЭКЗЕМПЛЯРОВ ЭТОГО ТРУДА

Статья представляет собой первую исследовательскую работу по определению степени значимости для мировой культуры латинско-немецкого словаря Андреаса Рейера 1686 года издания. Необходимость в данной работе обусловлена тем, что до настоящего момента обозначенный труд так и не получил заслуженной оценки от представителей научного сообщества, для многих из них факт его существования вообще неизвестен. Опираясь же на исторические факты и на иные объективные данные, а также на существующие в германистике и в языкознании точки зрения, автор делает вывод об исключительном значении разбираемого труда для мировой культуры в целом и для немецкой культуры в частности. А обозначенный вывод заставляет автора увидеть в сохранившихся экземплярах упомянутого словаря бесценные для науки артефакты, которые практически исчезли.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/12-3/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(90). Ч. 3. С. 536-546. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. Колмогорова А. В. Перевоплощение в жизни и на сцене: лингвистический аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 4. № 4 (64). С. 97-101.
4. Колмогорова А. В., Шостаков М. Е. Прагматические функции коммуникативного лицедейства в российском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 110-114.
5. Кондрашова (Козьмина) В. Н. Прагматические особенности использования речевой маски в английском диалоге // Материалы XL Международной филологической конференции. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2011. С. 81-86.
6. Кукс А. В. Конструирование речевой маски в игровом дискурсе: автореф. дисс. ... к. филол. н. Новосибирск, 2010. 22 с.
7. Литовская Е. В. Речевая маска кулинарного блогера (на материале блога Вероники Белоцерковской BELONIKA) // Филология и культура. 2014. № 4 (38). С. 151-154.
8. Марьянич В. А. Речевая маска в структуре образа автора публицистического текста // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2010. Т. 9. № 6. С. 138-144.
9. Морева М. Н. Типология речевых масок в жанре литературной рецензии (на материале «Литературной газеты») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 1 (1). С. 442-447.
10. Чеботникова Т. А. Речевая роль-маска и ее функции // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 2 (66). С. 14-19.
11. Шпильман М. В. Об особенностях использования языковой личностью разных типов речевых масок // Уральский филологический вестник. Серия «Язык. Система. Личность: лингвистика креатива». 2012. № 3. С. 78-82.
12. Шустрова Е. Н. Лингвистическая интерпретация стратегии мистификации в англоязычном речевом общении: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2008. 21 с.
13. Ahern C. If You Could See Me Now. L.: Harper Collins Publishers, 2006. 409 p.
14. Alderson M. Pants on Fire. Harmondsworth: Penguin books, 2001. 380 p.
15. Bradford B. A Woman of Substance. L.: Grafton, 1984. 868 p.
16. Dunn M. The Ex-boyfriend's Handbook [Электронный ресурс]. URL: <http://booksee.org/book/1750660> (дата обращения: 15.06.2018).
17. Harmel K. Italian for Beginners. L.: Little Black Dress, 2009. 340 p.
18. Keyes M. Angels. L.: Penguin Books, 2012. 481 p.
19. Keyes M. Sushi for Beginners. L.: Penguin Books, 2001. 564 p.
20. Secombe F. A Curate for All Seasons. L.: Michael Joseph, 1990. 185 p.

SPEECH MASKS USE IN THE ENGLISH PHATIC COMMUNICATION

Kondrashova (Koz'mina) Vera Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Saint Petersburg University
vn_kondrashova@mail.ru

The article classifies the speech masks used in the English phatic communication for the first time. It is revealed that three types of masks are created most often: professional, socio-cultural, and ethno-cultural. For each type of masks it is determined, which linguistic means are used to create them: phonetic, lexical, or grammatical. Speech masks, which are an element of ludic communication, contribute to the regulation of interpersonal distance between communicants and speech interaction harmonization. They allow the speaker to alleviate communicative pressure on the addressee.

Key words and phrases: English speech communication; phatic communication; ludic communication; speech mask; distancing; approaching; harmonization of relationships.

УДК 811.112.2:811.12:930.85+09

Дата поступления рукописи: 19.10.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-3.24>

Статья представляет собой первую исследовательскую работу по определению степени значимости для мировой культуры латинско-немецкого словаря Андреаса Рейера 1686 года издания. Необходимость в данной работе обусловлена тем, что до настоящего момента обозначенный труд так и не получил заслуженной оценки от представителей научного сообщества, для многих из них факт его существования вообще неизвестен. Опираясь же на исторические факты и на иные объективные данные, а также на существующие в германистике и в языкознании точки зрения, автор делает вывод об исключительном значении разбираемого труда для мировой культуры в целом и для немецкой культуры в частности. А обозначенный вывод заставляет автора увидеть в сохранившихся экземплярах упомянутого словаря бесценные для науки артефакты, которые практически исчезли.

Ключевые слова и фразы: основа немецкого языка; немецкая культура; словарь латинского языка; Андреас Рейер; основоположник немецкого «Просвещения»; издание 1686 года; редкое антикварное издание.

Коростелев Сергей Павлович

Липецкий государственный технический университет
2209983@mail.ru

ВЕЛИЧИНА ЗНАЧИМОСТИ ДЛЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛАТИНСКО-НЕМЕЦКОГО СЛОВАРЯ АНДРЕАСА РЕЙЕРА 1686 ГОДА ИЗДАНИЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ СОХРАНИВШИХСЯ ЭКЗЕМПЛЯРОВ ЭТОГО ТРУДА

Современная мировая культура – это совокупность различных национальных культур, а, как следствие, каждая отдельно взятая национальная культура одинаково важна для мировой культуры. И так же как

для национальных культур, для мировой культуры есть более значимые и менее значимые культурные памятники, общемировая культурная ценность которых определяется величиной их значимости для отдельно взятых национальных культур.

Являющийся же предметом данного исследования латинско-немецкий словарь Андреаса Рейера 1686 года издания (далее – «Словарь А. Рейера 1686 года») (см. Фото 1) совершенно определённо представляет некую культурную ценность как минимум для немецкой культуры, а, как следствие, этот письменный памятник имеет несомненное значение и для мировой культуры. Учитывая же факт отсутствия научных трудов, посвященных исследованию «Словаря А. Рейера 1686 года», очевидна актуальность и научная новизна данной работы, которая преследует две взаимосвязанные цели – обозначить степень значимости упомянутого словаря для мировой культуры, а также определить материальную ценность сохранившихся экземпляров «Словаря А. Рейера 1686 года». Ввиду ранее сказанного, для достижения поставленных целей потребуются решить задачу о выявлении степени значимости «Словаря А. Рейера 1686 года» для немецкой культуры. Но прежде чем приступить к решению обозначенной задачи, следует указать на то, что суть закладываемого автором в понятия «значимый», «значение» и «значимость» не противоречит энциклопедической сути этих понятий [16, стб. 1300-1301]. Под «определением степени значимости» в данной работе подразумевается выявление фактов бесспорных достоинств разбираемого труда и его заслуг перед культурой, а также определение совокупной величины значимости для культуры всех выявленных фактов обозначенного характера.

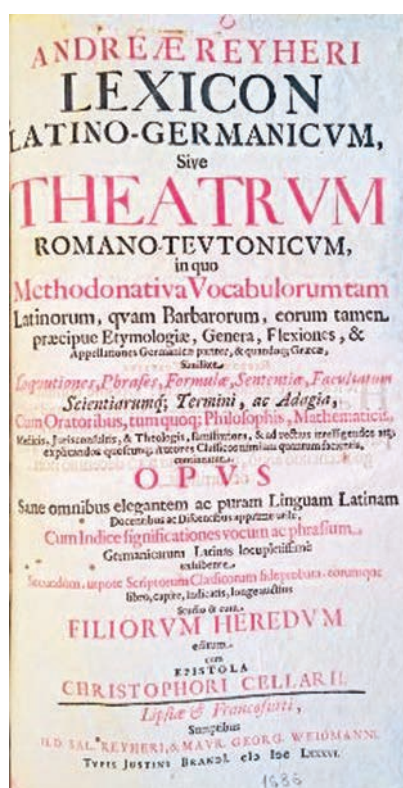

Фото 1. Титульный лист «Словаря А. Рейера 1686 года»

Что касается бесспорных достоинств «Словаря А. Рейера 1686 года», то указать на них совершенно не составляет труда. Ведь дата его создания в совокупности с сутью содержащегося в нем однозначно позволяют отнести обозначенный труд к значимым культурным памятникам, и при этом к очень редким, так как «Словарь А. Рейера 1686 года» как минимум не числится в музейных фондах Российской Федерации [4]. Кроме того, упомянутый труд не значится и в фондах крупнейших библиотек таких стран, как США, Великобритания, Франция и Германия [20]. Говоря же о количестве экземпляров издания «Словаря А. Рейера 1686 года», сохранившихся в мире, можно с уверенностью заявлять лишь о двух экземплярах. Один из них выставлен в музейной экспозиции при Российской государственной библиотеке (РГБ), где представлены только значимые для мировой культуры издания, отождествляемые с «сокровищами РГБ» [21]. А второй экземпляр, о существовании которого до настоящего момента было неизвестно широкой общественности, и который послужил основой для данного исследования, находится в частной коллекции.

Сказанное выше позволяет утверждать, что само обнаружение исследуемого экземпляра «Словаря А. Рейера 1686 года», в совокупности с преданием широкой огласке факта его существования, вполне справедливо может считаться научным открытием. Между тем мировая культура обогащается именно благодаря научным открытиям, а, как следствие, в данном случае уже можно говорить о выявленной заслуге перед мировой культурой «Словаря А. Рейера 1686 года», невзирая на то, что речь идет о заслуге исключительно исследуемого экземпляра обозначенного труда.

При описании же достоинств, выявляемых при изучении содержания «Словаря А. Рейера 1686 года», следует начать с того, что к его созданию причастны весьма значимые для мировой культуры исторические персонажи, что однозначно является заслуживающим внимания достоинством. И в данном случае речь идет об Андрее Рейере (Andreas Reyher; Andrae Reyher: 1601-1673 гг.) и о Кристофе Мартине Келлере (Christoph Martin Keller; Christophorus Cellarius; Christophori Cellarii: около 1634-1707 гг.), последний из которых, в согласии с информацией с титульного листа исследуемого труда, выступал в качестве редактора «Словаря А. Рейера 1686 года», будучи при этом известным современником как основоположник укоренившейся в исторической дисциплине системы периодизации [22, с. 905; 27, р. 1]. Что же касается Андреаса Рейера, то его помнят и ценят за выдающийся педагогический вклад в мировую культуру. Ведь именно А. Рейер заложил основы современной европейской системы образования, издав в 1642 году так называемый школьный устав, наиболее известный под сокращенным названием “Schulmethodus” («Школьная метода») [13, с. 1-12]. И именно за педагогические заслуги к 400-летию Андреаса Рейера в Германии была выпущена брошюра, посвященная его педагогической деятельности, которого на его родине, в городской общине Зуль, вообще чтят как национального героя [Там же, с. 4].

Переходя же непосредственно к сути содержания «Словаря А. Рейера 1686 года», следует сказать о том, что этот труд включает в себя два словаря – очень емкий переводной описательный латинско-немецкий словарь и активный немецко-латинский словарь [27, р. 11-1505]. При этом 1326-страничный латинско-немецкий словарь включает в себя беспрецедентно большое количество латинских слов. Ведь количество содержащихся в этом словаре латинских слов существенно превышает количество латинских слов, имеющих даже в самых емких аналогичных словарях. Так, по обозначенному показателю «Словарю А. Рейера 1686 года» существенно уступает даже дополненный и переработанный латинско-русский словарь Иосифа Ханановича Дворецкого (1894-1979 гг.), являющийся как минимум одним из наиболее емких известных современникам переводных описательных словарей латинского языка, но при этом включающий всего около 50 000 латинских слов, в то время как «Словарь А. Рейера 1686 года» содержит примерно 60 000 латинских слов [7, с. 1-4, 8-9; 27, р. 11-1337]. Сказанное позволяет утверждать, что информация из «Словаря А. Рейера 1686 года» актуальна и сегодня, так как она хранит в себе огромное количество преданных забвению латинских слов – что, несомненно, представляет интерес для определенного круга специалистов, а это в свою очередь, бесспорно, является достоинством исследуемого труда.

Здесь будет уместно завершить перечень очевидных достоинств и заслуг «Словаря А. Рейера 1686 года» и перейти к выявлению не столь очевидных, исходя из предположения об их наличии.

Учитывая тот факт, что «Словарь А. Рейера 1686 года» определенно представляет интерес для такой научной дисциплины, как языкознание, следует напомнить о том, что неотъемлемой частью любой национальной культуры является национальный язык [17, стб. 646]. Ведь данный факт, в совокупности с ранее сказанным о том, что достаточным условием определения степени значимости «Словаря А. Рейера 1686 года» для мировой культуры является определение степени значимости этого труда для национальной немецкой культуры, заставляет обратить внимание на роль исследуемого труда в процессе становления национального немецкого языка, под чем справедливо понимать язык, отражающий канонические нормы национального литературного немецкого языка [10, с. 77-78]. И здесь следует акцентировать внимание на том, что сказанным не отождествляются понятия «литературный национальный язык» и «национальный язык», так как подобное отождествление является дискуссионным [18, с. 3-4]. Но при этом бесспорным будет вышеобозначенное утверждение, ведь даже противники упомянутого отождествления не отрицают того, что национальный язык в большей или меньшей степени обязательно содержит отличительные особенности национального литературного языка, который в процессе развития национальной культуры вытесняет не свойственные ему элементы речи [Там же].

Тот факт, что исследуемый труд содержит именно национальный немецкий язык, однозначно подтверждает ряд содержащихся в «Словаре А. Рейера 1686 года» немецкоязычных слов, передающих значение таких понятий, как, например, «дом», «богатый», «брат» и «сон» (Табл. 1). Ведь их фонетические особенности не позволяют усомниться в факте однозначной взаимосвязи языка, заложенного в разбираемый труд, с национальным немецким языком, имеющим отличительную диалектическую особенность, по именованию которой обозначенный язык именуется «нововерхненемецким языком» [6, с. 149, 153].

Таблица 1. Сопоставление немецких слов разных эпох

Немецкая лексика из «Словаря А. Рейера 1686 года» [27]	Немецкая лексика из «Словаря И. Я. Павловского 1900-1902 гг.» [11; 12]
“ <i>hauß</i> ”	“ <i>hause</i> ” («дом»)
“ <i>reich</i> ”	“ <i>reich</i> ” («богатый»)
“ <i>bruder</i> ”	“ <i>bruder</i> ” («брат»)
“ <i>schlaf</i> ”	“ <i>schlaf</i> ” («сон»)

Для возможности определения роли «Словаря А. Рейера 1686 года» в процессе становления национального немецкого языка следует начать с указания периодизации этапов обозначенного процесса, что при этом достаточно затруднительно сделать, опираясь на информацию из отдельно взятых источников ввиду отсутствия в научном сообществе единого мнения по этому вопросу [6, с. 131]. А между тем объективное исследование должно опираться на общепризнанный факт либо как минимум на логично обоснованную точку зрения. Для выявления же приемлемой точки зрения по интересующему вопросу потребуются опереться

на бесспорный факт, признаваемый сторонниками различных гипотез. Таковым, в частности, является признаваемый всеми германистами факт участия в процессе становления национального немецкого языка представителей итальянского «гуманизма», который при этом у приверженцев различных гипотез оценивается по-разному [3, с. 172-174; 6, с. 142-143].

Так, по мнению многих представителей научного сообщества, которое не сильно противоречит мнению их не менее многочисленных оппонентов, именно под влиянием стиля письма итальянских «гуманистов», а в частности Франческо Петрарки (1304-1374 гг.) и Кола ди Риенци (1313-1354 гг.), был сформирован «письменный канцелярский язык», основателем коего считается близкий знакомый упомянутых итальянцев Иоганн фон Неймаркт (около 1310-1380 гг.), который среди прочего известен «своими очень значительными по стилю литературными переводами» [3, с. 174], и под чьим покровительством созрел для творчества зачинатель немецкоязычной поэзии, создавший в конце XIV века произведение “Der Ackermann aus Böhmen” («Землепашец из Богемии») [3, с. 172-174; 6, с. 140, 142-143; 8, с. 84-87; 10, с. 80; 19, с. 6-9, 206-208].

И здесь же следует упомянуть еще одного представителя итальянских «гуманистов», которого не упоминают германисты из числа приверженцев вышеобозначенного мнения, – Алигьери Данте (1265-1321 гг.), коим восхищался Иоганн фон Неймаркт, и который впервые ввел в научный оборот понятие «национальный литературный язык». Ведь изложенные в труде “De eloquentia vulgari” («О народной речи») теоретические исследования А. Данте, по мнению профессора Конрада Бурдаха (1859-1936 гг.) и его сторонников, «несомненно способствовали развитию немецкого канцелярского языка», и именно через посредничество Иоганна фон Неймаркта. При этом в порожденном последним «письменном канцелярском языке», по обоснованному заключению последователя К. Бурдаха – Г. Эггерса, «впервые обнаруживается совокупность зачаточных признаков новонемецкого языка», в том числе «дифтонгизация, монофтонгизация, удлинение кратких гласных в открытом ударном слоге и сокращение долгих гласных в закрытом корневом слоге» [3, с. 172-174; 6, с. 142]. Таким образом, по мнению К. Бурдаха и его сторонников, «письменный канцелярский язык» был порожден Иоганном фон Неймарктом именно под влиянием содержания обозначенной выше исследовательской работы А. Данте, а имевшее место влияние Ф. Петрарки и К. Риенци не играло первостепенной роли.

Что же касается «языка художественной литературы», или, иначе, поэтического языка, то по обоснованному мнению все того же К. Бурдаха, этот язык также стал развиваться благодаря Иоганну фон Неймаркту, но уже под влиянием хорошо известного последнему поэтического труда А. Данте “Divina commedia” («Божественная комедия»), что проигнорировал оппонент К. Бурдаха Теодор Фрингс (1886-1968 гг.) [3, с. 172-174; 6, с. 5, 142]. При этом последний заложил в основу своей гипотезы именно обозначенное упущение, а это, в свою очередь, ввело в заблуждение германистов, поддержавших гипотезу Т. Фрингса, основанную на заведомо ложном послыле [3, с. 172-174; 6, с. 142]. Более того, основные положения гипотезы Т. Фрингса подкрепляются доводами сомнительного характера, опирающимися не на факты, а лишь на силу красноречия. Ведь только опираясь на силу красноречия, можно заявлять о зарождении основы литературного национального немецкого языка в дописьменный период, а именно эти голословные утверждения отстаивают сторонники гипотезы Т. Фрингса, вполне закономерно апеллируя при этом к таким выражениям, как «мы полагаем», а не «факт свидетельствует» [6, с. 7]. Более того, сторонники гипотезы Т. Фрингса, по сути, пытаются увязывать язык, основанный на письменных нормах, с определенной локальной формой праязыка на одной из стадий ее дописьменного развития, игнорируя при этом факты зарождения обозначенных письменных норм [6, с. 5-7; 19, с. 7-8, 285-288].

А между тем, без последних, определенная локальная форма праязыка не приобрела бы отличительных особенностей национального литературного немецкого языка, что не позволило бы отождествлять такой язык с национальным немецким языком. Ведь, как было ранее обосновано, национальный немецкий язык – это язык, отражающий канонические нормы национального литературного немецкого языка. Ввиду вышесказанного, вполне закономерен тот факт, что у основанной на ложном послыле и сомнительных доводах гипотезы Т. Фрингса вплоть до сегодняшнего дня множество противников среди германистов, что не позволяет ее считать ни общепризнанной, ни даже господствующей [6, с. 141-142; 19, с. 7-9]. И данный факт имеет место, невзирая на то, что гипотеза Т. Фрингса нашла поддержку у многих именитых ученых, таких как А. Широкауэр, Л. Е. Шмитт, Й. Шильдт, Г. Шиб, Ш. Зондереггер, М. М. Гухман, Н. Н. Семенюк и др. [Там же]. Учитывая же вышесказанное, а также тот факт, что касающиеся вопросов становления национального немецкого языка современные германисты, по сути, разделены на последователей гипотез Т. Фрингса и К. Бурдаха, логично будет принять сторону последних – как минимум в отношении их точки зрения относительно роли вышеобозначенных исторических персонажей в процессе становления национального немецкого языка [19, с. 6-9].

А сказанное выше позволяет утверждать, что именно под влиянием идей итальянских «гуманистов» стал развиваться письменный язык времен активной жизнедеятельности Иоганна фон Неймаркта, который при этом является зачаточной формой современного литературного немецкого языка, зачинателем которого по праву следует считать главу имперской канцелярии Иоганна фон Неймаркта, при непосредственном содействии которого идеи итальянских «гуманистов» нашли благодатную почву среди немецкоязычных племён [3, с. 172-174; 6, с. 142; 19, с. 6]. При этом влияние идей итальянских «гуманистов» прослеживается на всем протяжении становления национального немецкого языка, что согласуется с утверждениями К. Бурдаха и что найдет подтверждение в рамках этой исследовательской работы [3, с. 182-184].

А ввиду вышесказанного позволительно отобразить периодизацию, поддерживаемую многими германистами, к числу которых относятся и многие последователи гипотезы Т. Фрингса, коих не смущает оспариваемое их же сторонниками разделение процесса становления национального немецкого языка на два периода – «ранневерхнегерманский период» (1350-1650 гг.) и «нововерхнегерманский период» (с 1650 год по настоящее время) [6, с. 131; 10, с. 77; 19, с. 6-9, 204, 288].

Говоря же о периоде, длившемся с 1350 года и как минимум до 1476 года, речь должна вестись не о языке немецкоязычных народных масс, а лишь о языке немецкоязычных писателей, что не противоречит утверждениям исследователей [10, с. 80-81; 19, с. 5, 8], но что делает некорректными имеющиеся место заявления о «национальной» принадлежности литературного языка обозначенного периода [10, с. 77; 19, с. 204, 288]. Ведь упомянутая группа писателей – это всего лишь весьма незначительная часть предков современных представителей немецкой нации. А, как следствие сказанного, язык писателей обозначенного периода – это не более, чем язык малочисленной группы людей.

Суть обозначенного утверждения не в состоянии изменить и тот факт, что в указанный период появились первые городские школы, в которых стали обучать немецкой грамоте [10, с. 80]. Ведь в данном случае речь должна вестись не об общедоступном образовании, а об образовании представителей определенного социального круга, и в частности об образовании детей власть имущих представителей немецкоязычного общества, или иначе – детей из его зажиточных слоев [13, с. 4-5]. И как минимум до XVIII века именно из обозначенных слоев немецкоязычного общества и были немецкоязычные писатели, литературный язык которых вплоть до 1529 года был понятен лишь достаточно узкому кругу представителей немецкоязычного общества, только для входящих в орбиту которого и создавались литературные произведения в указанный период [6, с. 144; 8, с. 164-165, 170; 10, с. 85; 13, с. 4-5; 19, с. 8].

Таким образом, говоря о литературном немецком языке периода 1350-1476 гг., корректней говорить не о «национальном» немецком языке, а всего лишь о языке власть имущего слоя немецкоязычного общества, который являлся и так называемым «письменным канцелярским языком», что, собственно, вполне логично и что согласуется с мнением сторонников К. Бурдаха [10, с. 79-83; 19, с. 8, 206-208]. И именно в связи с этим фактом достаточно продолжительное время на определенных территориях обитания немецкоязычных племен, а в частности на территории так называемой «Северной Германии», письменный немецкоязычный литературный язык воспринимался как иностранный [10, с. 91].

Вновь упомянув о «письменном канцелярском языке», следует напомнить и о том, что под покровительством основателя этого языка созрел для творчества зачинатель немецкоязычной поэзии, создавший в конце XIV века произведение “Der Ackermann aus Böhmen” («Землепашец из Богемии»). Ведь только после выхода в свет произведения «Землепашец из Богемии» немецкая литература стала постепенно пополняться немецкоязычными и латиноязычными художественными произведениями, наиболее востребованными и распространенными из которых были произведения эпического и сатирического жанров [8, с. 89-102]. Параллельно с этим велась работа и над переводом трудов иноязычных авторов, таких, например, как новеллы Боккаччо, над переводом которых работал в том числе и начальник канцелярии Никлас фон Вюле (около 1410-1478 гг.), также известный как автор многократно издававшегося с 1461 года труда “Translatzen” («Переложения на немецкий язык»), который исследователи отождествляют с трудом, оказавшим наибольшее влияние в деле приобщения представителей немецкоязычного общества к идеям итальянских «гуманистов» (идеи которых, к слову, поддерживал и М. Лютер, активно использовавший в своих работах достижения и наставления немецкоязычных «гуманистов») [8, с. 102, 108-109, 115, 117; 9, с. 205].

Наиболее же бурное продвижение идей итальянских «гуманистов» в немецкоязычном обществе начинается после 1445 года – вслед за изобретением Иоганном Гутенбергом (около 1399-1467 гг.) книгопечатания, способствовавшего унификации языка и позволявшего достаточно быстро и в больших объемах издавать интересующую литературу [1, с. 379; 8, с. 84, 130; 10, с. 81-82, 85]. И именно после 1445 года, а точнее с 1470 года, немецкоязычные единомышленники итальянских «гуманистов» усиленно стали издавать особо ценные последние труды античных авторов, а также их немецкоязычные переводы, выполненные в соответствии с наставлениями Никласа фон Вюле [8, с. 102, 106-107, 127-130; 9, с. 205].

Здесь будет уместно отметить и начало наиболее значимого периода в истории унификации языка власть имущих слоев немецкоязычного общества, который следует вести лишь с 1461 года, когда был издан и ранее упомянутый труд “Translatzen”, и первая немецкоязычная Библия [8, с. 127; 10, с. 84]. При этом последняя, так же как семнадцать последующих изданий ее копий и аналогов, несомненно, имела для языковой культуры власть имущих представителей немецкоязычного общества практически то же значение, что и перевод Библии М. Лютера для аналогичной культуры немецкоязычных народных масс [8, с. 87; 10, с. 84].

С 1476 года в немецкоязычной литературе появляется термин “gemein teutsch”, переводимый как «единый немецкий язык», возникновение которого при этом опять же не следует связывать с широким распространением единого языка среди народных масс, так как с появлением этого термина связан лишь факт зарождения в умах немецкоязычных «гуманистов» идей о необходимости формирования национальной идеологии, что следует соотносить с политической ситуацией тех лет [8, с. 108; 10, с. 80]. В основе желаний сформировать национальную идеологию однозначно лежали корыстные устремления политических сил, стоявших за «гуманистами», о сути которых красноречиво говорят общеизвестные события XVI века – стремление к банальному переделу собственности [1, с. 363]. В реализации же обозначенного стремления заинтересованным в нём политическим силам помог общеизвестный богослов Мартин Лютер (1483-1546 гг.), который совершенно определенно отстаивал идеи итальянских «гуманистов» [Там же]. Ведь в спровоцированных М. Лютером исторических событиях не составляет труда увидеть реализацию идей именно итальянских «гуманистов», которые были открыто провозглашены известным представителем последних – Лоренцо Валлом (1407-1457 гг.), опиравшимся претензии на светскую власть Римского епископата, опиравшимся при этом на выявленный факт подлога документов [1, с. 363-364; 5, с. 250].

И только благодаря деятельности М. Лютера был рожден национальный язык немецкого народа, являющийся неотъемлемой частью национальной культуры, без которой, в свою очередь, невозможно сформировать национальное самосознание, а без последнего не представляется возможным навязать национальную идеологию [10, с. 83, 85]. Ведь именно М. Лютер увязал обозначенный выше язык власть имущих представителей немецкоязычного общества с особенностями языка народных масс, что в итоге вылилось в отмечаемое исследователями своеобразие созданного упомянутым богословом языка, чем в значительной степени и была заложена основа современного немецкого языка, а также языка, именуемого «нововерхненемецким языком» [8, с. 117-118; 10, с. 83-84].

Более того, М. Лютер не только создал концептуально новый язык, но и успешно решил задачу по внедрению своего детища в сознание представителей всех слоёв немецкоязычного общества, которые к тому моменту все как один являлись членами христианской паствы, чьё сознание регулярно впитывало зачитываемые церковнослужителями слова из Библейских текстов, которые М. Лютер и перевёл на созданный им язык [8, с. 117-118; 10, с. 84-85]. Библейские же переводы М. Лютера благодаря изобретению в 1445 году книгопечатания и желанию заинтересованных политических сил в достаточно короткие сроки были изданы громадным тиражом – не менее ста тысяч экземпляров [1, с. 379; 8, с. 130; 10, с. 81, 85]. И только такого количества экземпляров стало достаточно для охвата всех церковных приходов с немецкоязычной паствой. Представители этой паствы именно через суть обозначенного выше метода оказались под влиянием распространителей национальной немецкой идеологии, чем было заложено начало формирования и развития национального немецкого самосознания, а как следствие, и национальной немецкой культуры, неотъемлемой частью которой является национальный язык [8, с. 117].

Здесь же следует более точно указать дату, с которой будет справедливо увязывать факт зарождения национального немецкого языка, и которая не обязана совпадать с датой усвоения этого языка представителями народных масс. Датой зарождения национального немецкого языка является 1522 год – год, в который М. Лютер издал свой перевод «Нового завета» [8, с. 117; 10, с. 83]. Язык же данного перевода стал приобретать черты национального языка лишь с 1529 года, когда был издан «Краткий катехизис» М. Лютера, в основе коего был заложён язык именно обозначенного перевода «Нового завета», который, в свою очередь, стал языком коммуникации народных масс не ранее момента широкого освещения «Краткого катехизиса» [13, с. 4-5]. Изданный же в 1534 году полный перевод Библии М. Лютера уже нельзя считать первоосновой национального немецкого языка. Ведь содержание этого перевода служило средством для пополнения уже начавшего формироваться лексикона народных масс, а как следствие – полный Библейский перевод М. Лютера относится к стадии формирования языка, а не его зарождения [10, с. 83].

Что касается особенностей языка перевода «Нового завета» М. Лютера, то их зарождение следует вести от несколько более ранних времён, а именно с 1470 года, который вполне справедливо отождествлять с годом начала активной деятельности «гуманистов», направленной на создание национального немецкого языка, что было обусловлено их желанием сформировать у немецкоязычного народа национальное самосознание и что, в свою очередь, вполне закономерно привело к появлению в 1476 году ранее упомянутого термина «gemein deutsch» («единый немецкий язык»). При этом данный факт заставляет ряд представителей научного сообщества отождествлять 1470 год с годом начала зарождения немецкой нации, хотя справедливее связывать обозначенную дату лишь с очевидным проявлением «гуманистами» своего желания породить немецкую нацию [Там же, с. 78-79]. Ведь с 1470 года в работах немецкоязычных «гуманистов» всего лишь обозначился интерес к особенностям языка народных масс, что выразилось через их интерес к народному фольклору, в частности к находившимся в употреблении народных масс пословицам, собственному которым с 1470 года и было посвящено немало работ, среди коих есть и изданная в 1500 году работа Эразма Роттердамского (1466-1536 гг.) – наиболее известного представителя немецкого «гуманизма», чей перевод «Нового завета» лег в основу перевода «Нового завета» М. Лютера [8, с. 108-109, 131-133].

Далее следует указать на то, что дата зарождения национального немецкого языка – 1522 год отражает и дату начала формирования этого языка, что вполне логично. А придерживаясь логичной точки зрения о существовании конца у всего, имеющего начало, и не противореча при этом утверждениям исследователей, можно заявить о существовании конца и у процесса формирования национального немецкого языка [19, с. 288, 290]. И в данном случае речь должна вестись об определенной дате, свидетельствующей об окончании обозначенного процесса. И именно интересующая дата является наиболее важной для языковой национальной немецкой культуры. Ведь только окончательно сформированный язык является истинной основой языка, которая в дальнейшем может лишь развиваться, под чем подразумевается возможность незначительных видоизменений отдельных слов, а также возможность пополнения лексикона новыми словами и т.п., что в естественных условиях происходит по мере необходимости.

Определить интересующую дату на основании трудов представителей научного сообщества не представляется возможным, так как в них отображается лишь период, в который, по их мнению, и произошло интересующее событие, но оно при этом однозначно увязывается последними с периодом, последовавшим за 1650 годом, только который вполне закономерно и отождествляется представителями научного сообщества с периодом существования современного национального немецкого языка, или, иначе, «нововерхненемецкого языка», что, в свою очередь, подтверждает вышесказанное о значении окончательно сформированного языка для языковой культуры, ведь именно с него берет начало современный язык [10, с. 77; 19, с. 204, 288, 290].

В попытке определить интересующую дату следует для начала еще раз напомнить о том, что одной из причин, побудившей немецкоязычных «гуманистов» приступить к созданию национального языка, было желание

сформировать национальное самосознание. В интересующем же периоде наиболее важную роль в формировании национального самосознания играли языковые общества, возникшие в первой половине XVII века [8, с. 162; 10, с. 86-87]. Самым влиятельным языковым обществом являлось «Плодоносящее общество», одним из его наиболее видных деятелей был Мартин Опиц (1597-1639 гг.), который, по сути, положил начало борьбе немецкоязычных «гуманистов» за чистоту немецкого языка, из коего предлагалось удалить все иноязычные заимствования, которых более всего было из французского языка [8, с. 162-163, 171, 173; 9, с. 365-367; 10, с. 86, 87; 19, с. 229-230].

Обозначенный факт присутствия заимствований в немецком языке являлся следствием скудости последнего, за что современники М. Опица презрительно именовали его «языком простонародья» [9, с. 366]. А выступавшие против языковых заимствований немецкоязычные «гуманисты» решили бороться со скудостью немецкого языка силой своей фантазии, т.е. они просто стали выдумывать звучащие на немецкий лад альтернативы иноязычным словам, для передачи смысла которых в немецком языке просто не хватало лексикона [8, с. 171, 173]. И именно благодаря этой деятельности немецких «гуманистов» тех лет были порождены такие обыденные для современников термины, как “abhandlung” («трактат»), “anmerkung” («примечание»), “lehrsatz” («теорема»), “dichtkunst” («поэзия»), “lustspiel” («комедия») и т.д. [Там же]. При этом к аналогичной практике прибегали и более ранние немецкоязычные «гуманисты», что происходило еще в процессе зарождения и начального этапа формирования национального немецкого языка, через лексикон которого еще невозможно было удовлетворить устремления последних, нацеленные на «уравнивание немецкого языка в возможностях поэтических выражений с более пригодными для поэзии языками Европы» [Там же, с. 169]. Подобные факты послужили причиной появления гипотезы уже упоминавшегося немецкого лингвиста и литературоведа профессора Конрада Бурдаха (1859-1936 гг.), который справедливо говорил об искусственной основе национального немецкого языка, порожденной «гуманистами» [19, с. 6].

После сказанного следует напомнить еще об одном видном деятеле «Плодоносящего общества» – об Юстине Георге Шоттеле (1612-1676 гг.), отождествляемом с основоположником движения дальнейшего формирования и развития национального немецкого языка [8, с. 173; 10, с. 87]. Ю. Г. Шоттель интересен тем, что в своём труде «Детальное исследование главного немецкого языка» он огласил мысль о необходимости создания словаря немецкого языка [8, с. 173]. Этот факт, произошедший в 1641 году, указывает на отсутствие вплоть до 1641 года словаря немецкого языка, способного удовлетворить потребности немецкоязычных «гуманистов» [Там же].

Далее следует указать на 1665 год, когда был издан труд ещё одного сторонника М. Опица, а именно труд «Руководство к немецкой поэзии», созданный профессором Виттенбергского университета Августом Бухнером (1591-1661 гг.), который в обозначенном труде, вторя при этом словам М. Опица, указывает на недостаточность для поэзии обыденного языка, только которым, по сути, все еще ограничивался национальный немецкий язык [Там же, с. 166]. И это воззвание, заметим, вышло в свет уже после смерти автора, что указывает на сохранявшуюся вплоть до 1665 года актуальность темы этого труда, издатели которого однозначно желали предать огласке суть содержавшегося в нем.

А суть оглашенного «гуманистами» в 1665 году, восходящую корнями к высказываниям М. Опица, как, собственно, и все иные ранее обозначенные проблемы, в том числе и проблему, озвученную Ю. Г. Шоттелем (1612-1672 гг.), помог решить весьма известный современник последнего [Там же]. И в данном случае речь идет о ректоре гимназии города Гота Андреасе Рейере (Andreas Reyher: 1601-1673 гг.), который посодействовал решению обозначенных проблем, издав в 1668 году свой словарь, первым переизданием которого и является исследуемое издание 1686 года, благодаря информации из предисловия коего, собственно, и известно об издании 1668 года, отпечатанном в городе Гота на собственной типографии А. Рейера [13, с. 3-12; 27, р. 9].

Для пояснения вышесказанного следует еще раз напомнить о том, что к произошедшему в XIV веке зачатию национального немецкого языка имеют прямое отношение «гуманисты». А после этого будет уместно напомнить и о том, что так называемые «гуманисты», благоговевшие перед античной культурой и боровшиеся за обогащение языка, в XIV веке положили начало движению за возрождение образцовой латыни Вергилия и Цицерона, которую «гуманисты» противопоставляли христианизированной средневековой латыни, отождествляемой с «варварским», лексически и фонетически оскудевшим вариантом древнего языка – за что средневековую латынь «гуманисты» презрительно именовали «кухонной латынью» [2, с. 213; 5, с. 246-251; 9, с. 203-204; 23, с. 378-381].

Все это позволяет утверждать, что, с точки зрения поспособствовавших появлению национального немецкого языка «гуманистов», античный латинский язык являлся образцом самодостаточного языка. Ведь через словарный запас античного латинского языка, по мнению «гуманистов», было возможно выразить абсолютно любую мысль, что, собственно, и побудило последних к борьбе за возрождение античной латыни, благодаря чему одна из культурных эпох получила именование «Возрождение», или, иначе, «Ренессанс» [5, с. 246-251]. Словарь А. Рейера, как ранее уже было сказано, вобрал в себя беспрецедентно большое количество латинских слов из трудов античных авторов, ссылками на труды которых изобилует разбираемый словарь, при составлении коего каждому латинскому слову был дан немецкоязычный аналог [27, р. 11-1337]. Появлением же столь обширного лексикона национальный немецкий язык определенно обязан ранее упомянутым методам «гуманистов», которые однозначно использовали их для формирования национального немецкого языка, основа которого, в свою очередь, была достаточно скудна. Таким образом, только с момента издания получившего широкое распространение словаря А. Рейера словарного запаса национального немецкого языка стало достаточно для передачи смысла абсолютно каждого слова из античного латинского языка – к чему,

собственно, и стремились немецкоязычные «гуманисты» при создании национального немецкого языка. Итак, логическим завершением начатого «гуманистами» процесса формирования национального немецкого языка следует считать факт издания словаря Андреаса Рейера, а точнее, того из изданий этого словаря, которое сыграло ключевую роль в процессе формирования обозначенного языка. Ведь в поиске ответа на вопрос о дате завершения процесса формирования национального немецкого языка, в отличие от ответа на вопрос о дате зарождения этого языка, решающую роль играет время массового усвоения важного для языковой культуры материала, а не время появления обозначенного материала.

На временном же промежутке 1668-1686 гг. каких-либо судьбоносных для национальной немецкой культуры событий не происходит, за исключением зарождения процесса формирования немецко-латинского словаря Матиаса Крамера (1640-1729 гг.), в основу которого, несомненно, был положен словарь А. Рейера 1668 года издания, так как первое издание словаря М. Крамера было издано лишь в 1676 году и являлось при этом не очень емким по сути содержания, как, собственно, и все последующие аналогичные труды этого автора, которые вполне справедливо отождествлять с подобием «словарей синонимов» [24; 26, р. 17-69]. Из сказанного можно заключить, что словарь А. Рейера 1668 года издания не играл существенной роли в процессе формирования национального немецкого языка, так как лексикон из него еще не был доступен массовому потребителю и предназначался лишь для очень узкого круга специалистов. И только благодаря специалистам из этого круга национальный немецкий язык впитал плоды обозначенной работы Андреаса Рейера, известного сегодня лишь благодаря своей педагогической деятельности [13, с. 1-12].

Но если в период с 1668 года по 1686 год ничего выдающегося для национальной немецкой культуры не происходит, то с момента издания «Словаря А. Рейера 1686 года» для данной культуры все кардинально меняется. Упомянутые сдвиги в развитии национальной немецкой культуры следует считать заслугой в том числе и предприимчивых последователей «гуманизма» из города Франкфурт-на-Майне, где с 1686 года и стал переиздаваться обозначенный труд. В руки к издателям из Франкфурта-на-Майне этот труд попал стараниями известного ученого Кристофа Мартина Келлера (Christoph Martin Keller; Christophori Cellarii: около 1634-1707 гг.), латинизированное имя которого в связи с вышесказанным вполне естественно и оказалось на латиноязычном титульном листе «Словаря А. Рейера 1686 года», где К. М. Келлер, по сути, значится редактором [22, с. 905; 27, р. 1]. При этом следует отметить, что издатели из Франкфурта-на-Майне, как и Кристоф Мартин Келлер, отдали предпочтение не словарю Матиаса Крамера, а чуть более древнему словарю Андреаса Рейера, что указывает на высокую степень значимости именно последнего труда.

Переходя к значимым для национальной немецкой культуры событиям, последовавшим за изданием «Словаря А. Рейера 1686 года», следует для начала напомнить о том, что античный латинский язык изобилует терминами, приспособленными для судебных тяжб, во время ведения которых практиковали ораторское искусство именитые римляне, благодаря чему было рождено «римское право», вполне справедливо отождествляемое с «фундаментом современной юриспруденции» [15, с. 5-6, 9]. При знании этого, а также всего вышесказанного не удивителен тот факт, что практически сразу после публикации «Словаря А. Рейера 1686 года», а именно в 1687 году, в Лейпцигском университете впервые на немецком языке стал читать лекции по юриспруденции Христиан Томазиус (1655-1728 гг.), что исследователи связывают с началом периода вытеснения немецким языком латыни из научной сферы, а Х. Томазиус в связи с этим традиционно, но при этом несправедливо отождествляется с основоположником немецкого «Просвещения» [8, с. 224-225; 10, с. 89].

Если же опираться на традиционную точку зрения, то немецкоязычные юридические термины впервые огласил лишь Х. Томазиус, который в связи с этим должен был их и породить. А между тем основополагающая немецкоязычная юридическая терминология во всем своем многообразии вполне закономерно содержится в «Словаре А. Рейера 1686 года», где автор запечатлел немецкоязычные аналоги всех латинских юридических терминов [27, р. 11-1505]. При этом большая часть из запечатленных в «Словаре А. Рейера» немецкоязычных юридических терминов однозначно не существовала в национальном немецком языке до появления обозначенного труда, а часть из них находилась лишь в виде заимствований, что подтверждает содержание «первого словаря иностранных слов» Симона Рота (XVI век) “Teutscher Dictionarius” («Немецкий Словарь») (см. Таблицу 2), изданного в 1571 году и красноречиво говорящего об отсутствии в национальном немецком языке того периода аналогов многих латинских слов [19, с. 279].

Таблица 2. Сопоставление юридических терминов разных эпох

Латинское слово [27]	Немецкая лексика из «Словаря С. Рота 1571 года» [19, с. 279]	Немецкая лексика из «Словаря А. Рейера 1686 года» [27]	Немецкая лексика из «Словаря И. Я. Павловского 1900-1902 гг.» [11; 12]
“jurisconsultus” («юрист»)	–	“rechtsgelahrter”	“rechtsgelehrte”
“decretum” («декрет, обращение»)	“dekret”	“beschluß”	“beschluß”
“hypotheca” («залог»)	“hypothec”	“unterpfand”	“unterpfand”
“appellation” («воззвание к судье»)	“appellieren”	“beruffung”	“berufung”

Здесь же будет уместно напомнить и о таком выдающемся для национальной немецкой культуры труде, как «Основы немецкого языка в устной речи и на письме» (“Grundsätze der deutschen Sprache im Reden

und Schreiben”), традиционно отождествляемом с первой изданной после времен жизнедеятельности Ю. Г. Шоттеля (1612-1672 гг.) работой по нормализации национального немецкого языка, о необходимости проведения чего впервые заговорил именно Ю. Г. Шоттель [10, с. 87-88; 19, с. 229-230]. Автором обозначенного труда является Иоганн Бёдикер (XVII век), издавший этот труд в 1690 году [Там же], т.е. опять же практически сразу после издания «словаря А. Рейера 1686 года».

Кроме того, следует указать на еще один отмечаемый представителями научного сообщества факт, заключающийся в том, что «в произведениях крупнейших писателей XVIII века впервые во всей полноте и стилистическом многообразии нашел свое отражение и воплощение национальный немецкий язык» [19, с. 290]. Ведь именно с этим фактом ряд представителей научного сообщества и связывают «завершение процесса формирования» обозначенного языка [Там же, с. 288, 290]. А между тем лексикон упомянутых писателей был сформирован в «Словаре А. Рейера», получившем широкое освещение именно накануне XVIII века, а точнее, в 1686 году. При этом писателям XVIII века даже не было нужды черпать лексику именно из «Словаря А. Рейера», ведь с 1704 года стали активно издаваться словари немецкого языка, и уже к 1737 году было выпущено 29 таких словарей, заложенный в них лексикон охватывал все сферы деятельности [8, с. 222]. Упомянутые словари являются первыми немецкоязычными словарями подобного плана, которые вполне закономерно появились вслед за изданием «Словаря А. Рейера 1686 года» и не менее закономерно впитали отобразенную в нем лексику, актуальную вплоть до сегодняшнего дня.

Все вышесказанное заставляет увидеть в основе развития национального немецкого языка именно «Словарь А. Рейера 1686 года», год издания которого в связи с этим и следует считать датой, ознаменовавшей окончание периода формирования национального немецкого языка. Более того, зная о факте редактуры издания 1686 года, осуществленной Кристофом Мартином Келлером (около 1634-1707 гг.), можно вполне справедливо заключить, что этот труд имеет отличия от своего прототипа 1668 года издания. А как следствие, «Словарь А. Рейера 1686 года» будет вполне справедливо считать не переизданием труда 1668 года, а первым изданием судьбоносного для национальной немецкой культуры труда, в основу которого лишь заложен труд Андреаса Рейера (1601-1673 гг.).

Что же касается фактов дальнейшего пополнения лексикона национального немецкого языка, имевших место после 1686 года, то все они относятся лишь к процессу развития обозначенного языка, в том числе это касается терминов, порождённых фантазией ученика Готфрида Вильгельма Лейбница (1646-1717 гг.) профессора Христиана Вольфа (1679-1754 гг.) [8, с. 225; 10, с. 89-90].

Дату окончательной победы национального немецкого языка над латынью в научной сфере следует отождествлять с 1781 годом, когда национальный немецкий язык официально вытеснил латынь из системы образования [25, S. 45]. После 1871 года – после объединения Германии – были выработаны определенные нормы для национального немецкого языка, которые при этом периодически пересматривались и изменялись вплоть до 1998 года, что опять же является естественным процессом развития языковой культуры [1, с. 368; 10, с. 90-93].

Подводя итог всему вышесказанному, следует выделить пять этапов в процессе образования современного немецкого языка, которые можно уподобить этапам формирования и развития человеческой личности:

1) «**зачатие**», произошедшее около **1350 года** благодаря труду «Руководство для чиновников канцелярии» (“Summa cancellariae Caroli IV”) Иоганна фон Неймаркта (Johannes von Neumarkt: около 1310-1380 гг.) [3, с. 172-174; 8, с. 86; 10, с. 80; 19, с. 6-8];

2) «**рождение или, иначе, начало формирования**», которое следует отождествлять с годом первого издания перевода «Нового завета» Мартина Лютера (Martin Luther: 1483-1546 гг.), а именно с **1522 годом** [10, с. 83];

3) «**окончание формирования**», что произошло в **1686 году** благодаря переизданию отредактированного труда Андреаса Рейера (Andreas Reyher: 1601-1673 гг.), получившего с обозначенного года высокую степень освещения;

4) «**развитие**» – процесс, начавшийся с момента окончательного формирования языка и не прекращающийся до сегодняшнего дня, ведь и сегодня национальным языком, в том числе и национальному немецкому языку, не хватает сформированного лексикона для обозначения множественных периодически появляющихся понятий и предметов. И именно с этим процессом следует отождествлять «нововерхненемецкий период», который ввиду вышесказанного **начался в 1686 году и не прекращается до сегодняшнего дня**;

5) «**смерть**», которая уже постигла многие некогда живые языки и которая в условиях глобализации неминуемо должна достигнуть все национальные языки, что является естественным процессом, в отличие от процессов, породивших национальные языки.

Выяснив то, что «Словарь А. Рейера 1686 года» сыграл очень важную роль в процессе становления национального немецкого языка, будет уместно заявить о высоком значении данного исследования. Необходимость в нем обусловлена тем фактом, что до настоящего момента многим представителям научного сообщества было неизвестно не просто о степени значимости «Словаря А. Рейера 1686 года», но и о факте его существования – о чем красноречиво свидетельствует факт отсутствия внимания к нему со стороны Иосифа Ханановича Дворецкого (1894-1979 гг.) и иных составителей словарей латинского языка, заинтересованность которых в ознакомлении с подобным трудом очевидна. Кроме того, даже ознакомленные со «Словарем А. Рейера 1686 года» представители научного сообщества так и не дали ему надлежащей оценки. Ведь даже хорошо знакомые с обозначенным трудом сотрудники Российской государственной библиотеки признали его значимость для мировой культуры лишь на основании очевидных достоинств и заслуг «Словаря А. Рейера 1686 года», и при этом не всех, так как в противном случае объем содержащегося в нем латинского лексикона не остался бы без внимания.

Здесь же остается указать на наиболее вероятные причины, поспособствовавшие забвению и почти полному исчезновению столь выдающегося для национальной немецкой культуры труда, как «Словарь А. Рейера 1686 года». Таких причин могло быть немного, и при этом эти немногие причины могли оказать совокупное влияние на обозначенную ситуацию.

Так, одну из вероятных причин забвения «Словаря А. Рейера 1686 года» можно попытаться отыскать в исторических событиях XVIII века. Ведь вполне вероятно, что к середине XVIII века о словаре Андреаса Рейера 1686 года издания уже было забыто, а его последующие переиздания ассоциировались с городом Франкфурт-на-Майне, именование которого фигурировало на титульных листах всех отредактированных переизданий этого труда. А между тем город Франкфурт-на-Майне, говоря современным языком, в XVIII веке стал отождествляться с центром так называемого «пиратского книгоиздательства», уличаемые в котором издательства, как и труды, создававшиеся за гонорары этих издательств, по сути, становились изгоями в глазах Филиппа Эразмуса Рейха (1717-1787 гг.), который, борясь за монополию на книжном рынке, объединил вокруг себя 56 крупнейших издательств, создав при этом «Общество книжной торговли Германии», попасть в немилость членам которого означало обречь свое издательство на банкротство, а все выпущенные за гонорары этого издательства труды – обречь на забвение [8, с. 239-240].

Другая же не менее вероятная причина может заключаться в осознании заинтересованными политическими силами того факта, что для немецкого национального самосознания важна вера в самобытность национального языка, а знания о сути «Словаря А. Рейера 1686 года» подрывают эту веру. Как, собственно, эту веру подрывала и ранее упоминавшаяся гипотеза профессора К. Бурдаха (1859-1936 гг.), которая начиная с 1884 года господствовала в германистике 52 года, и от которой вполне закономерно стали отказываться с момента широкого распространения в Германии националистических идей, а именно с 1936 года [19, с. 6-7]. В противовес вполне справедливой гипотезе профессора К. Бурдаха в 1936 году была выдвинута гипотеза ранее упоминавшегося немецкого языковеда Теодора Фрингса (1886-1968 гг.), который, желая приспособиться под новую политическую ситуацию, вполне закономерно попытался отыскать «самобытные корни национального немецкого языка» и тем самым опровергнуть гипотезу К. Бурдаха, поддерживаемую многими германистами вплоть до сегодняшнего дня [Там же]. Исследование же, проведенное в данной работе, подтверждает именно основные положения гипотезы К. Бурдаха, гласившие об искусственной основе национального немецкого языка [Там же, с. 6]. Ведь все вышесказанное о «Словаре А. Рейера 1686 года» является наглядным доказательством факта существования искусственной основы национального немецкого языка. Так как содержание этого словаря в совокупности с исторической подоплекой его появления наглядно свидетельствуют о том, что в основе огромной части лексикона обозначенного языка заложен латинский язык, словам из которого лишь искусственно придали немецкоязычное звучание. Кроме того, все вышесказанное подрывает веру в самобытность практически всех ныне существующих национальных языков, а в особенности европейских, немалую часть из которых справедливо относят к видоизмененным формам единого славянского языка, с носителями которого предки представителей немецкой нации имели кровное родство. Единый же славянский язык, в согласии со справедливыми заключениями исследователей, стал распадаться на национальные языки лишь с конца XIV века [14, с. 51-52], т.е. именно тогда, когда по миру стали распознаны националистические идеи итальянских «гуманистов». Учитывая все сказанное, так называемых «гуманистов» или, точнее, политические силы, стоявшие за ними, можно справедливо обвинить в разрушении кровных связей огромного человеческого сообщества, между потомками представителей которого после этого не утихали зарождающиеся на национальной почве конфликты. Наиболее же резонансный конфликт подобного плана послужил одной из причин Второй мировой войны (1939-1945 гг.), в её развязывании существенную роль сыграли националистические идеи властителей немецкого народа, которые среди прочего организовали и массовое сожжение неугодных их идеям книг. И именно с последними из обозначенных деяний властителей немецкого народа можно увязать одну из наиболее вероятных причин забвения о «Словаре А. Рейера 1686 года», позиции которой ослабляются лишь тем фактом, что столь значимый для гипотезы К. Бурдаха (1859-1936 гг.) труд был неизвестен последнему [3, с. 200, 205].

Для того же, чтобы вышесказанное не вступало в конфликт с имеющими место заблуждениями относительно сути именованного «гуманисты», следует напомнить о том, что смысловую нагрузку этого именованного эпохи «Возрождения» передает современная суть понятия «гуманитарий», а не суть современного понятия «гуманный» [5, с. 249].

Полученные результаты исследования как минимум позволяют по новому взглянуть на историю формирования национальных языков, а как следствие, эти результаты однозначно позволяют пересмотреть традиционные взгляды по этому вопросу. Что же касается возможности практического применения результатов данного исследования, то их можно и нужно применять в сфере образования, в том числе и для обогащения лексикона современников преданными забвению латинскими терминами из «Словаря А. Рейера 1686 года».

Подоытоживая сказанное, следует заявить о том, что «Словарь А. Рейера 1686 года» – это:

- 1) очень редкое и при этом преданное забвению антикварное издание;
- 2) труд основоположника современной европейской системы образования и немецкого «Просвещения»;
- 3) самый емкий из всех известных аналогичных словарей латинского языка, сохранивший в себе огромное количество преданных забвению латинских слов;
- 4) один из наиболее значимых для национальной немецкой культуры трудов;
- 5) средство, обогатившее мировую культуру сразу несколькими научными открытиями, нашедшими отражение в каждом из вышеперечисленных пунктов.

А ввиду вышесказанного можно однозначно заключить об очень высокой степени значимости «Словаря А. Рейера 1686 года» для мировой культуры в целом и для немецкой культуры в частности, каждый сохранившийся экземпляр которого с научной точки зрения бесценен.

Список источников

1. **Большая советская энциклопедия:** в 30-ти т. / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд-е 3-е. М.: Советская Энциклопедия, 1971. Т. 6. Газлифт – Гоголево. 624 с.
2. **Большая советская энциклопедия:** в 30-ти т. / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд-е 3-е. М.: Советская Энциклопедия, 1973. Т. 14. Куна – Ломами. 624 с.
3. **Бурдах К.** Реформация. Ренессанс. Гуманизм / пер. с нем. М. И. Левиной; гл. ред. С. Я. Левит; ред. колл. под председательством Л. В. Скворцовой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 208 с.
4. **Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации** [Электронный ресурс] / Министерство культуры Российской Федерации. URL: <http://goskatalog.ru/portal/#/> (дата обращения: 18.10.2018).
5. **Гриненко Г. В.** История философии: учебник / под ред. Т. В. Астаниной. Изд-е 3-е, испр. и доп. М.: Юрайт, 2010. 689 с.
6. **Гухман М. М., Семенов Н. Н.** История немецкого литературного языка IX-XV вв. / отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1983. 200 с.
7. **Дворецкий И. Х.** Латинско-русский словарь / ред. К. Н. Яблонская, Г. А. Барышева. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.
8. **История немецкой литературы:** в 3-х т. / пер. с нем. А. Гугнина, Е. Маркович, М. Раевского, Г. Ратгауза и Т. Холодовой; общ. ред. и предисл. А. Дмитриева. М.: РАДУГА, 1985. Т. 1. От истоков до 1789 г. 352 с.
9. **История немецкой литературы:** в 5-ти т. / под общ. ред. Н. И. Балашова и др. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. Т. 1. IX-XVII вв. / ред. Б. И. Пуришев и др. 472 с.
10. **Колотилова Н. С.** История немецкого языка: учеб. пособие / под ред. И. Б. Карповой. Изд-е 3-е, перераб. и доп. Рязань: Рязан. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2012. 182 с.
11. **Павловский И. Я.** Немецко-русский словарь. Изд-е 3-е, испр. и значительно доп. Рига: Издание Н. Киммеля, 1902. 1529 с.
12. **Павловский И. Я.** Русско-немецкий словарь. Изд-е 3-е, совершенно перераб., испр. и доп. Рига: Издание Н. Киммеля, 1900. 1774 с.
13. **Полякова М. А.** “Schulmethodus” Андреаса Рейера и первые немецкие школы в Москве // Гуманитарный вестник. 2014. № 2 (16). С. 1-15.
14. **Похлебкин В. В.** История водки / ред. Д. О. Хвостова. М.: Центрполиграф, 2000. 404 с.
15. **Светилова Е. И.** Учебник латинского языка для юристов / под ред. И. С. Култышевой. М.: Флинта, 2009. 336 с.
16. **Словарь современного русского литературного языка:** в 17-ти т. / АН СССР, Ин-т языкознания. М. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. 4. Ж – З / ред. А. М. Бабкин. 1364 стб.
17. **Словарь современного русского литературного языка:** в 17-ти т. / АН СССР, Ин-т языкознания. М. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. Т. 7. Н / ред. Ф. П. Сороколетов, Ф. П. Филин. 1468 стб.
18. **Филин Ф. П.** О свойствах и границах литературного языка // Вопросы языкознания. 1975. № 6. С. 3-12.
19. **Филичева Н. И.** История немецкого языка: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / ред. Б. Л. Бойко, И. Н. Рябчикова. М.: Академия, 2003. 304 с.
20. **Электронные каталоги зарубежных библиотек** [Электронный ресурс] / Свердловская областная универсальная научная библиотека имени В. Г. Белинского. URL: <http://book.uraic.ru/internet/guide/ino.htm> (дата обращения: 18.10.2018).
21. **Электронный каталог** [Электронный ресурс] / Российская государственная библиотека. URL: <http://olden.rsl.ru/ru/s97/s339/d1298/d12984106> (дата обращения: 18.10.2018).
22. **Энциклопедический словарь:** в 86-ти т. / Репринтное воспроизведение издания Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон 1890 г. М.: ТЕРРА, 1991. Т. 28. Карданахи – Керо. 479 с. [С. 481-960].
23. **Энциклопедический словарь:** в 86-ти т. / Репринтное воспроизведение издания Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон 1890 г. М.: ТЕРРА, 1991. Т. 33. Култагой – Лед. 482 с.
24. **Kramer M.** Das herrlich-grosse Teutsch-Italiänische Dictionarium: in 3 Bänden. Nürnberg: In Berlegung Iohann Andrea Endters Geel. Guhnen, 1702. Bd. 1. 1502+8 S.
25. **Kulturdialog und akzeptierte Vielfalt?: Rumänien und rumänische Sprachgebiete nach 1918** / hrsg. von Horst Förster und Horst Fassel. Stuttgart: Thorbecke, 1999. 288 S.
26. **Laurent B.** Matthias Kramer et la lexicographie du français en Allemagne au XVIIIe siècle: avec une édition des textes métalexigraphiques de Kramer. Tübingen: Niemeyer, 2000. 527 p.
27. **Reyheri A.** Lexicon latino-germanicum, sive Theatrum romano-teutonicum / cum epistola Christophori Cellarii. Lipsiae – Francofurti: H. D. Sal. Reyheri & Mavr. Georg. Weidmanni; Typis Justini Brandl, 1686. 1505 p.

**CULTURAL IMPORTANCE OF A. REYHER'S LATIN-GERMAN DICTIONARY (1686)
AND MATERIAL VALUE OF ITS AVAILABLE COPIES**

Korostelev Sergei Pavlovich
Lipetsk State Technical University
2209983@mail.ru

The article for the first time tries to identify the cultural importance of A. Reyher's Latin-German dictionary (1686). The relevance of the study is conditioned by the fact that the mentioned work is still underestimated by the scientific community, many representatives of which are unaware of its existence. Relying on historical facts and on the views of modern linguists and German scholars the author concludes about the special importance of the mentioned dictionary for the world culture in general and the German culture in particular. The findings allow the author to consider the available copies of the dictionary as invaluable for science and unique artefacts, which have practically disappeared.

Key words and phrases: basis of the German language; German culture; Latin dictionary; Andreas Reyher; founder of German “Enlightenment”; edition of 1686; rare antiquarian edition.